Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/INLJON
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)4

«СЕНС АЛЛЕГОРИЧНЫЙ» В ЛИТЕРАТУРНОЙ КУЛЬТУРЕ СТАРООБРЯДЦЕВ ВЫГА

© 2026 г. О.Д. Журавель
Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия
Дата поступления статьи: 12 декабря 2025 г.
Дата одобрения рецензентами: 21 января 2026 г.
Дата публикации: 25 марта 2026 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-1-224-241

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 25-28-00808, https://rscf. ru/project/25-28-00808/) в Новосибирском государственном университете

Аннотация: В статье рассматриваются категории поэтики барокко, которые связаны с важной художественной особенностью этого метода — с его тяготением к аллегорико-спиритуалистическому истолкованию мира. Именно «сенсу аллегоричному» в риториках барокко уделялось преимущественное внимание. Материалом для исследования послужили рукописи, созданные в рамках литературной школы Выговского старообрядческого центра в начале XVIII в. К ним относятся старообрядческие списки риторик Софрония Лихуда, Козмы Афоноиверского, Андрея Белобоцкого, Стефана Яворского, а также компилятивная старообрядческая Риторика-свод. Кроме того, использованы литературные тексты Андрея Денисова, писателя и первого киновиарха Выговского центра. Аспект иносказания («сенс аллегоричный») рассматривается в статье на разных уровнях в соответствии со структурой риторик. На уровне inventio это привлечение иллюстративного материала. Центральное внимание уделено вербальным эмблемам, поскольку эмблема наиболее полно отвечала художественному строю барокко с его культивированием зрительно-интенсивного риторического слова. В качестве одного из ярких примеров приводится описание слона в одной из проповедей Андрея Денисова, послужившее основой для морализующих выводов. На уровне elocutio рассмотрены метафора и аллегория. Делается вывод, что активное использование «сенса аллегоричного» способствовало утверждению концептуальных основ старообрядческого центра, претендовавшего на то, чтобы стать «островом спасения» в катастрофических условиях современности.

Ключевые слова: риторики, барокко, Андрей Белобоцкий, Стефан Яворский, литературная культура Выга, проповедь, Андрей Денисов, метафора, аллегория, эмблема

Информация об авторе: Ольга Дмитриевна Журавель — доктор филологических наук, профессор, Новосибирский государственный университет, ул. Пирогова, д. 1, 630090 г. Новосибирск, Россия. https://orcid.org/0000-0003-0535-7765

E-mail: o.zhuravel@g.nsu.ru

Для цитирования: *Журавель О.Д.* «Сенс аллегоричный» в литературной культуре старообрядцев Выга // Studia Litterarum. 2026. Т. 11, № 1. С. 224–241. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-1-224-241

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 11, no. 1, 2026

"ALLEGORICAL SENSE" IN THE LITERARY CULTURE OF THE VYG OLD BELIEVERS

© 2026. Olga D. Zhuravel
Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
Received: December 12, 2025
Approved after reviewing: January 21, 2026
Date of publication: March 25, 2026

Acknowledgements: The research was carried out at NSU with financial support of the Russian Science Foundation (project no. 25-28-00808, https://rscf.ru/project/25-28-00808/).

Abstract: This article examines categories of Baroque poetics that are associated with an important artistic feature of this method — its gravitation toward an allegorical and spiritualistic interpretation of the world. It was precisely the "allegorical sense" that received primary attention in Baroque rhetoric. The study draws on manuscripts created within the literary school of the Vyg Old Believer center in the early 18th century. These include Old Believer copies of rhetoric by Sophrony Likhud, Kozma Afonoiversky, Andrei Belobotsky, and Stefan Yavorsky, as well as the Old Believer compilation "Rhetoric-Code." Furthermore, literary texts by Andrei Denisov, a writer and leader of Vyg. The article examines the aspect of allegory ("allegorical meaning") at various levels, in accordance with the structure of rhetoric. At the level of inventio, this involves the use of illustrative material. The article focuses on verbal emblems, as emblems most fully corresponded to the artistic structure of the Baroque, with its cultivation of visually intense rhetorical language. A striking example is the description of an elephant in one of Andrei Denisov's sermons, which served as the basis for the writer's moralizing conclusions. At the level of elocutio, metaphor and allegory are examined. It is concluded that the active use of "allegorical meaning" contributed to the affirmation of the conceptual foundations of the Old Believer center, which aspired to become an "island of salvation" in the catastrophic conditions of modern times.

Keywords: rhetoric, baroque, Andrey Belobotsky, Stefan Yavorsky, literary culture of Vyg, sermon, Andrey Denisov, metaphor, allegory, emblem

Information about the author: Olga D. Zhuravel, DSc in Philology, Professor, Novosibirsk State University, Pirogova St., 1, 630090 Novosibirsk, Russia. https://orcid.org/0000-0003-0535-7765

E-mail: o.zhuravel@g.nsu.ru

For citation: Zhuravel, O.D. "'Allegorical Sense' in the Literary Culture of the Vyg Old Believers." *Studia Litterarum*, vol. 11, no. 1, 2026, pp. 224–241. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2026-11-1-224-241

Литературная школа Выговского старообрядческого центра, созданная в начале XVIII столетия и уже в первые десятилетия этого века достигшая своего расцвета, характеризуется исследователями как оригинальное ответвление московского школьного барокко [4; 15; 7]. Основой формирования литературной культуры на Выге послужили риторики, в первую очередь барочные [13; 7, с. 21–85]. Их роль в литературном процессе не сводилась к регламентации эстетических норм, риторики формировали новую, рационалистическую концепцию текста, задавали определенную систему ценностей [2; 9]. На Выге знали Риторику ученого грека Софрония Лихуда в переводе Козмы Афоноиверского, а также собственную Риторику Козмы. Оба эти сочинения, основанные на «Искусстве риторики» Франческо Скуффи (1681), составили основу универсальной Выговской Риторики-свода (конец 1720-х – начало 1730-х)[1]. Туда же вошли и фрагменты «Руки риторической» Стефана Яворского. Старообрядцам были известны все книги Андрея (Яна) Белобоцкого, автора барочной адаптации логико-философских идей средневекового мыслителя Раймонда Луллия [7, с. 34–61]. Все эти труды не просто бытовали в старообрядческом центре, книжники их переписывали, украшали иллюстрациями, адаптировали к своим запросам: основное назначение риторических учений заключалось в создании эффективной проповеди, утверждавшей основы вероучения и способной на достойном уровне вести полемику с идейными противниками, представителями официальной церкви.

1 ОР БАН. Собр. В.Г. Дружинина. № 122.

В барочных риториках, принятых на Выге, возрождается учение о четырех аспектах («сенсах» или «разумах») толкования слова. Наиболее ранняя его версия, известная еще русским поэтам-силлабикам, представлена в гомилетике Иоанникия Галятовского: «Чворакий ест сенс в Писме святом: литералный, моралный, аллегоричный и анагогичный <...>. Сенс литералный ест ясный, бо як написано писмо, так и розумеемо; сенс зась моралный, аллегоричный и анагогичный ест закрытый, бо иначей Писмо Святое написано, иначей треба его розумети и тлумачити» [11, с. 177–187]. Этот перечень — общее место во всех барочных риториках, в том числе в Риторике-своде: «Разум писма святаго четверократен есть: литералный, моралный, аллигоричный, анагогичный»[2].

Преимущественное внимание при этом во всех барочных риториках уделялось «сенсу аллегоричному». Первая из трех книг, составивших Риторику Белобоцкого, озаглавлена «О разуме Писма Святаго», а 3-я Беседа этой книги — «О сенсе аллигоричном»[3]. «О разных повестех разума аллегоричнаго» толкует глава 1-я[4]. «Материя убо разума аллегоричнаго суть словеса или речения, знаменующая разныя вещи, на которых объявление словеса приисканная и написанная суть, обаче сия творят не явственно, но скрыто, потому что словеса сия материи аллегоричныя разная толкования имети могут»[5].

Почти вся богатая литературная продукция, вышедшая из Выговского центра, предполагала двойной уровень прочтения. В этом не было принципиальной новизны: метод аллегорической интерпретации, разработанный еще в Александрийской богословской школе, господствовал в средневековой христианской литературе. «Это был принципиальный подход к событию, совершавшемуся во времени, как к иносказанию о смысле, пребывающем вне времени» [1, с. 101]. Но в барочной традиции семантическая двуплановость подвергается рациональной рефлексии, приемы и способы ее достижения регламентируются риториками и определяют весь эстетический строй произведений.

2 ОР БАН. Собр. В.Г. Дружинина. № 122. Л. 478.
3 ОР БАН. Собр. В.Г. Дружинина. № 123. Л. 23–24 об.
4 Там же. Л. 25–49 об.
5 ОР РГБ. Ф. 98. Собр. Е.Е. Егорова. № 958. Л. 46 об. – 47.

Аллегорически осмыслялось уже само понятие риторики. В книгах Софрония Лихуда и Козмы она представлена как царица: «Риторика же яже есть едина Царица всех наук»[6], «велия сила есть царственныя риторике, и слава сея превыше небес <...> и сие токмо глаголю, яко и на земли, и на небеси Царица Риторика выну показася и присно показуется»[7]. Выделяя три рода «силы риторики» — божественную (язык ангельский), героическую и человеческую, Козма характеризует последнюю как «полную сил, сока, крови и благолепия»[8]. Кроме того, риторика определяется и как «семя небесное», и как «светлый плод изящнаго ума, — он видит все и невидим есть, сия зрит все, но незрима <...>»[9].

Традиционные пять частей риторики (инвенция, диспозиция, элокуция, память и произношение) представляются как пять пальцев руки. Наиболее известна эта метафора по книге Стефана Яворского, которая так и называется — «Рука риторическая». Старообрядцы в своих рукописях воспроизводили символическое изображение руки с подписями на каждом пальце: «В риторической руце вси персты имеют нечто особное, <...> великий — силою, указателный — ведение и путь ко звездам, средний — златому научает средству, перстневый — обручает премудрость, мизинец — ушеса отирает и отверзает ко слышанию»[10]. Далее следуют разъяснения: первый перст — «изобретение», второй — «расположение», третий — «витийство или краснословие», четвертый и пятый — «память» и «произношение»[11].

Двойное кодирование текстов, созданных в рамках поэтики барокко, задавала уже «фема» — «библейский тематический ключ» [12, с. 431–473], расположенный чаще всего в маркированной позиции начала сочинения. В Риторике Белобоцкого читаем: «Человек без главы кажется быти поучение без фемы. Тем же, яко знамена полковая даются ратным людем, тако сим осми частем предлагаются фемы, да помнит проповедник Слова Божия, яко все части его поучения соглашатися имеют с фемою. Перво убо поучению твоему положиши фему, юже возмеши с Писма святаго, сиречь

6 ОР РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина. № 1659. Л. 1 об.
7 ОР РНБ. Ф. 588. Собр. М.П. Погодина. № 1659. Л. 6 об.
8 Там же. Л. 3–3 об.
9 Там же. Л. 6
10 ОР РГБ. Ф. 17. Собр. Е.В. Барсова. № 507. Л. 93.
11 Там же. Л. 93 об. –124 об.

из Библии»[12]. Выговские писатели эпохи расцвета литературной школы, как правило, не давали своим сочинениям специальных заголовков — роль своеобразного семантического навигатора играла фема. «“Сии суть, иже с женами не осквернишася, зане дѣвственници суть, сии суть куплени от людии, первенци Богу и агньцу”, — словеса сия писанная по Откровении Иоанна Богослова, глава 14» (цит. по: [7, с. 377]), — так открывается Слово о девстве Андрея Денисова, первого киновиарха и выдающегося мастера слова. Фема «Праведныи от веры жив будет. Аввакум, глава 2» предваряет его Слово о вере (опубликовано: [7, с. 337–351]), а цитата из Послания апостола Павла к коринфянам «Всяк подвизаяися от всего воздержится» (1 кор. 9: 25) — Слово о воздержании (опубликовано: [7, с. 372–377]). Цитата из Священного Писания может располагаться и в начале сочинения, как, например, в «Слове о последних днях и скорбех»: «“Слышите, возлюбленнии мои, — рече Господь, — се пред вами дни скорбни, и от всѣх избавлю вас. Не бойтеся, не сумняйтеся, яко Бог водитель ваш есть. И иже воздержати заповѣди и повелѣния моя, — рече Господь Бог, — да не отягчают вас грѣхи ваши, ни воздвигнутся беззакония ваша. Горе, иже стиснутся от грѣх своих и отягчатся от беззаконии своих”, — у Ездры пророка Божия написано въ 3 книгах, в главѣ 16» (цит. по: [7, с. 351–359]). Далее все сочинение последовательно строится в соответствии с заданными темами цитаты: речь в нем идет о «последних» временах, о том, что у тех, кто следует «истинной вере», страха быть не должно, поскольку они все под защитой у Господа, главное — Его не огорчать, не грешить.

В поэтике барокко наиболее важное значение придавалось уровням inventio и elocutio. «Поиски искусством нового художественного метода преобразовали риторическую систему таким образом, что <...> для мастера барокко особую значимость имело учение об изобретении, излагающее способы отыскания аргументов и содержащее описание тематических приемов, а также учение о стилистических приемах и словесном украшении» [14, с. 166]. «Витийство, или украшение» следует за разделом «обретение» и в Риторике-своде: «Колико есть частей Риторики? Пять: обретение, благоглаголание, изложение, память, произношение»[13]. И этому дается объяснение в соответствии с новыми тенденциями: «Предло-

12 ОР БАН. Собр. В.Г. Дружинина. № 123. Л. 10 об.
13 ОР БАН. Собр. В.Г. Дружинина. № 122. Л. 17.

жително нам бяше расположение, неже витийство, якоже у всех риторов при обретении 1-й части расположение держит 2-е место, но сие у новых учеников зело неудобо обретается <…>. Красноглаголство бо образы и начертания, и образ, еже слагати периоды и распространяти всяко слово, и умствование, и гномы, без них же всякое расположение слова зело просто и неискусно будет»[14]. Витийство же «есть вещей изобретенных красное и избранное возвещение»[15].

Среди других средств «украшения» на первом месте располагаются «тропосы», или «образы красноречия», «единем речением бывающии» или многими. К первому разряду тропосов относится метафора. «Метафора есть пренесение речения от свойственыя к несвойственыя вещи. Якоже сие: человек, палящий гневом»[16]. Ко второму роду тропосов, «иже во многих речениих упражняются», принадлежит аллегория. В барочных риториках мы находим много определений аллегории, между которыми нет существенных расхождений. Почти дословно в Риторику-свод помещен фрагмент из «Руки риторической» Стефана Яворского: «Гречески аллигориа, латински инверсо, славенски иносказание. Еже ино речми, а ино разумом показует, или еще некогда противно тако хотяй рещи: о возмущенном гражданстве можеши привести иносказание моря. На приклад: новаго ныне круг российский ужасается и благоговеет Нептуна, сиречь тишайшаго монарха нашего, иже толикия влающыяся супостатов волны, толики кровавыя пучины, толики противности и мятежи счасливо утолил, и влающиися гражданства корабль к пристанищу тихому приведе преславно»[17]. Кратко звучит вошедшее в Риторику-свод определение Софрония Лихуда: «Иносказание есть еже ино речение, а ино разумом показуется»; несколько иначе выразил свое понимание аллегории Козма Афоноиверский: «Аллегория мудрейших сущи беседа, триех ради вин бывает: удобнаго ради разумения простым; чести ради по подражанию Божиих, потаения ради дел превосходящаго разума и учения»[18]. Обра-

14 Там же. Л. 125.

15 Там же.

16 Там же. Л. 127 об.

17 ОР РГБ. Ф. 17. Собр. Е.В. Барсова. № 507. Л. 107–107 об. Ср.: ОР БАН. Собр. В.Г. Дружинина. № 122. Л. 138. Цитата о «тишайшем монархе» не смутила старообрядцев Выга, у которых была собственная гибкая концепция отношения к царской власти.

18 ОР БАН. Собр. В.Г. Дружинина. № 122. Л. 139.

щаясь к использованию тропов, надо помнить следующие условия: «во иносказании трех опасно подобает хранитися: 1 — да не будет часто, но да со отверстыми словесы смесится; 2 — яко да им же родом начнеши, тем и окончаеши, 3 — да не будет иносказание мрачно»[19]. Приемы иносказания не должны были затемнять смысл сочинения, не уводить в сторону от основной мысли, использоваться умеренно и создавать должное настроение, приличное проповеди.

Сочинения выговских авторов изобилуют тропами «первого разряда». Так, в проповедях Андрея Денисова мы встречаем и традиционные для древнерусской словесности метафоры, и его творческие образования. При этом расширяется смысловое поле известных метафор-символов. Так, в Надгробном слове Петру Прокопьеву начало церковных реформ комментируется в эсхатологическом ключе, традиционная оппозиция «свет — тьма» наполняется новым содержанием: «Егда <...> свѣтлое свѣтлейших святых отецъ чиносодержание отлагашеся <...> тма тяжка гонителна покры тогда Росию» (цит. по: [15, с. 43–44). А в проповеди «О правдосудии» отсутствие справедливости в суде, взятки, нарушение закона трактуется как тревожный симптом, влекущий за собой наступление тьмы и всяческих бедствий: «Противно же, мздоимнаго неправдосудия тмы, идѣже обнявшей, тогда неправедницы жительства возбурят, лихоимцы обидники возволнуют, татие, блудники и чародѣи, яко мыши, из нор тмы изыдут, разбойники, злотворцы воздерзают, клеветники, оболгатели и укорники возщекочют, многоволнуемо тогда от злых благим человѣком и многобѣдственно житие бывает» (цит. по: [7, с. 368–369]).

У Андрея Денисова, выдающегося проповедника, метафора и аллегория не являются декоративным средством, они служат главной цели проповеди, связанной с построением духовной жизни в возглавляемом им центре староверия. С.А. Зеньковский, отмечая связь историософской теории выговцев с московской теорией Третьего Рима, писал об амбициозных претензиях основателей Выга. По его мнению, Андрей и Семен Денисовы «видели спасение истинной веры и возможность спасения мира в сохранении древней православной церковной традиции, тем самым их конечная цель была не только национальной, но вселенской» [8, с. 604].

19 Там же. Л. 138 об. – 139.

Не эскапизм, не желание уйти, убежать от мира стояли за деятельностью основателей центра, а именно амбициозная цель создать оплот спасения в эсхатологическую эпоху, которая осмыслялась ими в духовном смысле. Старообрядцы Выга придерживались теории «духовного антихриста», впервые сформулированной на Новгородском старообрядческом соборе 1694 г. В соответствии с ней, «последние времена» уже наступили, но антихрист утвердил свою власть «духовно», «мысленно»[20]. Можно предположить, что рецепции теории духовного антихриста в рамках выговской риторической культуры в немалой степени способствовала барочная герменевтика с ее вниманием к «сенсу аллегоричному». Воспринимая события символически, не буквально, легко представить, что невидимый дух зла уже проник во внешний мир. Эсхатологическая утопия утверждалась в сочинениях выговских авторов, в первую очередь — духовного лидера этого центра Андрея Денисова, чьи проповеди были насыщены апокалиптической символикой, а сама пустынь осмыслялась в связи с центральным образом 12-й главы Откровения Иоанна Богослова — как Жена, облеченная в Солнце [7, с. 197–214].

Конструктивную роль в идее сплочения старообрядческого сообщества сыграла метафора передачи веры и «благодати» как некой мистической сущности «другопередатне», из рук в руки. Четко она обозначена в самом начале Поморских ответов (1723), где утверждается, что, восприняв веру от самого Христа, православные христиане «яко вседражайшее сокровище, друг друго приемнѣ и святопослѣдованнѣ соблюдающе» [16, с. 15–16]. Впоследствии эта метафора будет присутствовать во всех позднейших старообрядческих сочинениях, относящихся к жанру родословия [7, с. 182].

Ключевые метафоры играли конструктивную роль по отношению к утопическому проекту, основанному на комплексе мифологем. Барочное учение о слове в литературной культуре Выга базировалось на концепции «любомудрия», утверждавшей сакральный смысл и силу «украшенного» проповеднического слова. Метафоры, использованные в построении этой концепции, актуализировали образы меда и пчел — достаточно традиционные, но получившие новую актуализацию. Так, эти метафоры образуют клю-

20 Подробнее об эсхатологических представлениях Андрея Денисова см.: [7, с. 173–178].

чевые мотивы в одном из лучших сочинений Андрея Денисова — «Сотове медовни, словеса добра, сласть же их исцеление души» (опубликовано: [7, с. 359–366]). Источник метафоры — Притчи Соломоновы (Притч. 16: 24). В разных своих сочинениях Андрей Денисов творчески обращается с этой метафорой, он применяет ее и к апостолу Павлу — его послания называются «пчельником», и к насельникам Выга. Мы это видим в его обращениях к слушателям проповеди: «Понеже любопотщательни есте, яко пчелы, по различным цвѣтником повѣстей облетаете, от многодѣйственных цвѣтов пресладкии мудролюбия плод обсысаете, откуду желательно и нам, лѣнивым, повѣствовати вам, что новонародное и удивляемо услышим, надеющеся и отсуду возмощи вам татствовати душепитательный мед <...>» (цит. по: [6, с. 115–116]).

В Риторике-своде в качестве иллюстрации одного из разделов «витийства» (о периодах) приведено принадлежащее перу Андрея Денисова аллегорическое описание жизни монастыря, где насельники трудятся, подобно пчелам:

> Видиши ли, како сии церковнии пчелы, премудрии татебницы и добродѣтелей хищателницы, чрез послушная хождения, чрез священныя тяжести трудов, чрез безсмертная сѣяния, пролития потов, несытным спасения хапанием, яко нѣкии чин устроенный, ревностию, яко крилаты, чрез блата лѣтающе, устремляются к нивам, сокровищствуют в ношении тяжъких древ <...>. Зри, како <...> в немощных сосудѣх мощную силу показующе, ярмы тяжки на плещу носяще. И овии из них путешествие правящее, овии же благочиние надсмотряюще, и овыя трапезныя и поварныя сосуды носящее, овии же церковную пользу книги имущее, чащи лесныя обьюхающе <...> от сосния мед духовный крадут, от елия красоту души плодоносят, в березах райския цветы татствуют, высоковерхия осины сламляют и всякая древца к земли скланяют, от коегождо плоды души татебствуют[21].

Уровень inventio предполагал, помимо логико-понятийной основы сочинения («мест внутренних»), использование внешних источников. В Риторике-своде перечисляются следующие: «история или повесть; басни;

21 ОР БАН. Собр. В.Г. Дружинина. № 122. Л. 243–243 об.

приуподобления или притчи; иероглифическая; эмблематы или знамения, сиречь гербы; свидетельства древних; мудрования сиречь разумно изреченная слова или апоффегмата; законы или уложения; Божественная Писания; остроумие или изящность естества»[22]. Каждое из «мест внешних» сопровождается примерами, образцами иллюстративного материала («парадигм») для проповедей. Отчасти сохранены парадигмы риторик-источников, но многие примеры взяты из сочинений выговских авторов либо сочинены специально для этой книги. Басни и притчи[23], апофегматы, эмблемы[24] усложняли семантическую структуру проповеди, создавая дополнительные ответвления смыслов.

Барочная тема быстротечности времени, связанная с концептом бренности бытия (“vanitas vanitatum”), выражена в примере из «Слова о времени» (сочинение Андрея и Семена Денисовых) (опубликовано: [7, с. 400–410]): «Часы пловут, в которых скоро старѣемся, дни бѣгут, удержати ихъ не надѣемся», и паки: «ни вода збѣжавшая назад не возвратится, ни час, иже миновал, напреди явится», и паки: «врѣмя непрестанно бѣжит движением, аки рѣки быстрыя своим стремлением. Подобно врѣмяна в равень уплывают, и новости вседневны тому подражают»[25]. В сборнике Апофегмат мы находим близкую сентенцию: «Врѣмя плывет тихо, и вскоре невозможет. Ни вода возвратится, яже уплынула, ниже врѣмени скорость, яже преминула»[26].

Метафора колеса жизни, известная в поэзии барокко, например, по сочинениям и переводам Евфимия Чудовского [14, с. 624–636], использована в парадигме «на эмблему, дословно совпадающей с цитатой из того же “Слова о времени”» [7, с. 403–404]. «Возри прилѣжно на время жития сего и виждь, яко есть коло нѣкое непостоянное, толико непрестанно быстротекущее, толико присно вертящееся, стояти никогда же, опрѣтися никогда же могущее. Како убо постоит, ног не имѣя, како опрется, рук не имѣя,

22 Там же. Л. 20–20 об.

23 О проблеме терминологического разделения басни и притчи см.: [14, с. 647–688; 7, с. 98–110].

24 В тексте этой риторики, в соответствии с одним из своих источников, Риторикой Софрония, эмблематы практически идентифицируются с эмблемами. ОР БАН. Собр. В.Г. Дружинина. № 122. Л. 105–109 об.

25 ОР БАН. Собр. В.Г. Дружинина. № 122. Л. 109 об.

26 ОР РНБ. О.XV.33. Л. 82 об.

како усмотрит вредная, очес не имѣющи? Чесо ради не точию краткая, но и слѣпая жизнь, и есть, и нарицатися достойна, яже без рук вся обьемлет, без крил быстро лѣтает, кромѣ ног скорошествует <...>»[27].

Другой пример «эмблемы» — представление «девства» как розы: «Сие прекраснѣйшее дѣвство есть шипок многоцвѣтущий, благоуханный, сладкоараматный, многою красотою сияющий, многую сладость источающий, весь же тернием острым окруженный, жесточайшим камением обложенный, понеже пресвѣтлѣйшая сия добродѣтель в жизни сей соблюдаема жестокостию жития <...>»[28]. В своем «Слове о девстве» Андрей Денисов воспевает эту форму аскезы как добродетель, которая «межь киими свѣтлѣишими звѣздами добродѣтелей <...> яко луна, свѣтло бѣлѣется, и яко межь испещренными птицами павлин многокачественно красуется» (цит. по: [7, с. 378]). Автор символически представляет Девство «пред очесы» слушателей проповеди как преславную царицу, украшенную в ризах слов, «красотою многою сияющую». «Нынѣ же всекраснѣйшая царица Дѣвство в сих показателных словесѣх приводится от нас, грубых, посредѣ вашего дѣвическаго собору, солнцесияющыя лучи своя на вся вы озаряющыя, вся вы вѣчною славою вѣнчавающая, благодатною славою питающая, в небесный невѣстник на безсмертную свѣтлость любители своя вземлющая. Приидите на вселюбезнѣйшее тоя видѣние, стецытеся на всесладчайшее сея мироюхание, насладитеся всекраснѣйшия доброты тоя, напитайтеся всесияющия славы ея!» (цит. по: [7, с. 378]).

Эмблематика, сопрягающая слово и изображение, наиболее полно отвечала эстетике барочного слова с его тяготением к аллегорико-спиритуалистическому истолкованию мира [10, с. 357–391; 14, с. 262–362]. Как и в поэзии, в барочной проповеди ценится «зрительно интенсивное риторическое слово, обладающее визуальной наглядностью для внутреннего духовного зрения» [14, с. 315–316]. В качестве яркого примера такого эмблематического образа приведем описание слона из послания Андрея Денисова «с Москвы во общебратство» (опубликовано: [7, с. 95–118]). Это описание уникально: впервые в русской литературной традиции мы видим не фантастический образ, известный по физиологам и бестиариям, а живой, детально прорисованный, будто сделанный оче-

27 ОР БАН. Собр. В.Г. Дружинина. № 122. Л. 106.
28 Там же. Л. 81 об. – 82.

видцем. Мы не знаем, что послужило источником для автора: рассказы ли очевидцев, взятое ли откуда-то изображение, но в проповеди реальный факт «слоновьей дипломатии» передан чрезвычайно эффектно. Скорее всего, описано событие, имевшее место в 1723 г., когда слона, подаренного персидским шахом Петру Первому, вели через Москву. Подробно, с использованием богатой стилистической палитры, описан и путь, проделанный богато украшенной процессией, и реакции толпы, и поведение слона, играющего с толпой.

Появление слона преподносится как чудо: «Понеже узрѣся, иже николиже в Москвѣ видѣся, и увидѣся чюдо не во окиянском, но в московском народном мори, небывалое зрителище, превелии звѣрь слон» (цит. по: [6, с. 117]). Подчеркиваются огромные размеры животного: «всадника, правяща его, на шии имея при нем, на нем узрѣти его, аки врабия, высоту бо звѣря сего глаголют и видится быти аршина с полпята» (цит. по: [6, с. 117]). Автор дает точное и выразительное описание его внешности: «нозѣ длиною с человѣка, толсты, яко бревно, толстотѣлесен, недолог по высотѣ, безшерстен, великоглав, черновиден, горбоспинен, задопокляп, ступанием медвѣдоподобен, от верхния губы имея (нарещи) нос или губа или хобот, яко рукав платна, висящь до земли, им же аки рукою брашно и питие приемлет и согнув, во уста своя отдает. От верхних зубов два зуба велики вне торчат сюду и сюду, уши имѣя велики, яко заслоны печныя, рошки малы, подобны агньчим, хвост подобен волуему» (цит. по: [6, с. 117]).

Однако яркие картины являются лишь поводом для герменевтической процедуры. Каждый описательный фрагмент текста сопровождается выводом. Автор выстраивает симметричные конструкции в соответствии с предшествующими фрагментами сюжета. «Аще бы толико усердие показаша народи, видети безсловеснаго звѣря, не паче ли возусердствуем мы <…> на видѣние Бога и святых его <…> невидимаго зрители будем, “блажени, рече, чисти сердцем, яко тии Бога узрят” (Мф. 5: 8) <…> и аще толь велии звѣрь малому при нем всаднику повинуется и водится <…> от малосильнаго многомощное безсловесное диво, сице покорившему всяческая под нозѣ человека Создателю повинуется (ср.: 1 Кор. 15: 27), кольми паче мы, словесная Божия тварь, Создателя своего повелѣния долженствуем не забывати <…> аще бо безсловесный удержевает ярость воздержати

устремление, стяжевает покорение и ласкает питающему, не паче ли нам достоит питающаго нас Бога возлюбити, по Его заповеди, паче всех (ср.: Исх. 20: 2–3, Мф. 22: 37–40), и возлюбити тако, якоже рече: “Любяи Мя, заповѣди Моя соблюдает” (ср.: Ин. 14: 21) <…>» [6, с. 117–118].

В итоге каждый фрагмент картинки обретает свое символико-аллегорическое истолкование, сопровождаемое отсылками к текстам из Священного Писания. Главным метатекстом является заповедь блаженства из Нагорной проповеди: «Блажени чистии сердцем, ибо тии Бога узрят» (Мф. 5: 8). Эта цитата фокусирует смысл всего сочинения: тот, кто хочет увидеть Бога, оказавшись в Царствии Небесном, должен проявить усердие, подобное тому, что проявили московские зеваки при лицезрении слона. «Узреть» Бога и видеть слона — так соединяются по принципу барочного остроумия эти две категории. Акцентуации данного смысла способствует стилистической прием повтора ключевых слов: в небольшом сочинении слово «зрети» повторяется 10 раз. Конечно же, здесь задействован и смысловой подтекст образа слона. В древнерусской традиции это символ Бога или Христа [3, с. 26–27].

Стихотворные тексты Симеона Полоцкого, Стефана Яворского, Феофана Прокоповича, Григория Сковороды, насыщенные живописными визуальными образами, которые помогают раскрыть содержание сочинения, Л.И. Сазонова предложила назвать эмблематическими стихотворениями [14, с. 316]. В нашем случае мы имеем дело с проповедью, использующей эмблему как основу для назидания. При этом мораль не разрушает значимости вербального изображения, что не противоречит принципам барочной эстетики: «В искусстве барокко мир реальных явлений часто предстает перед нами во всем своем земном и ярком многообразии. Искусство барокко любит яркие цвета, золото, блеск драгоценных камней, пышность и великолепие полноценной жизни. Но эта жизнь, эта пышность, это великолепие в искусстве барокко только фантом, игра воображения, только форма, но не его содержание» [5, с. 189].

Литературное творчество старообрядцев Выга в начале XVIII столетия не осталось в стороне от главных тенденций культурной эпохи. Выговское барокко восприняло от московского школьного барокко такую фундаментальную особенность, как функциональный дидактизм. Сохраняя связь с традициями древнерусской литературы, провозглашая верность

духовным заветам основателей движения, книжники этого центра восприняли из новых учений о слове те эстетические принципы, которые помогли им выстроить концептуальные основы жизнестроительства в соответствии с принятой системой убеждений. Различные формы иносказания, суть которых разъяснялась в барочных риториках, принятых и адаптированных в литературной культуре Выга, способствовали эффективности проповеди, направленной на создание острова правой веры в трагических обстоятельствах современности.

Список литературы

Исследования

1 *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343 с.

2 *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 448 с.

3 *Белова О.В.* Славянский бестиарий. М.: Индрик, 1999. 320 с.

4 *Демкова Н.С.* Литературное наследие Выга // Русская литература. 2003. № 2. С. 192–194.

5 *Еремин И.П.* К истории восточнославянского барокко: (Из лекций по украинской литературе XVII–XVIII вв.) // Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск: Наука, 1979. С. 187–199.

6 *Журавель О.Д.* К изучению поэтического стиля Андрея Денисова: «Послание с Москвы во общебратство» о встрече в Москве персидского слона // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. С. 95–118.

7 *Журавель О.Д.* Литературное творчество старообрядцев XVIII – начала XXI вв.: темы, проблемы, поэтика. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 442 с.

8 *Зеньковский С.А.* Идеологический мир братьев Денисовых // Русское старообрядчество: в 2 т. М.: Ин-т ДИ ДИК, Квадрика, 2009. С. 594–606.

9 *Лахманн Р.* Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического. СПб.: Академический проект, 2001. 368 с.

10 *Михайлов А.В.* Поэтика «барокко»: завершение риторической эпохи // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / отв. ред. П.А. Гринцер. М.: Наследие, 1994. С. 329–391.

11 *Панченко А.М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1973. 281 с.

12 *Пиккио Р.* Slavia Orthodoxa: Литература и язык. М.: Знак, 2003. 720 с.

13 *Понырко Н.В.* Учебники риторики на Выгу // Труды Отдела древнерусской литературы. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1981. Т. 36. С. 154–162.

14 *Сазонова Л.И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М.: Языки славянских культур, 2006. 896 с.

15 *Юхименко Е.М.* Литературное наследие Выговского старообрядческого общежительства: в 2 т. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 1. 686 с.

Источники

16 Поморские ответы. М.: Тип. П.П. Рябушинского. [Б. г.] XVI+603 с.

References

1 Averintsev, S.S. *Poetika rannevizantiiskoi literatury* [*Poetics of Early Byzantine Literature*]. Moscow, Coda Publ., 1997. 343 p. (In Russ.)

2 Averintsev, S.S. *Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoi traditsii* [*Rhetoric and Origins of the European Literary Tradition*]. Moscow, Shkola "Iazyki russkoi kul'tury" Publ., 1996. 448 p. (In Russ.)

3 Belova, O.V. *Slavianskii bestiarii* [*Slavic Bestiary*]. Moscow, Indrik Publ., 1999. 320 p. (In Russ.)

4 Demkova, N.S. "Literaturnoe nasledie Vyga" ["Literary Heritage of Vyg"]. *Russkaia literatura*, no. 2, 2003, pp. 192–194. (In Russ.)

5 Eremin, I.P. "K istorii vostochnoslavianskogo barokko: (Iz lektsii po ukrainskoi literature XVII–XVIII vv.)" ["On the History of East Slavic Baroque. (From Lectures on Ukrainian Literature of the 17th–18th Centuries)"]. *Sibirskaia arkheografiia i istochnikovedenie* [*Siberian Archeography and Source Studies*]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1979, pp. 187–199. (In Russ.)

6 Zhuravel', O.D. "K izucheniiu poeticheskogo stilia Andreia Denisova: 'Poslanie s Moskvy vo obshchebratstvo' o vstreche v Moskve persidskogo slona" ["On the Study of the Poetic Style of Andrei Denisov: 'Message from Moscow to the Brotherhood' about the Meeting of a Persian Elephant in Moscow"]. *Traditsii otechestvennoi dukhovnoi kul'tury v narrativnykh i dokumental'nykh istochnikakh XV–XXI vv.* [*Traditions of Russian Spiritual Culture in Narrative and Documentary Sources of the 15th–21st Centuries*] Novosibirsk, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2010, pp. 95–118. (In Russ.)

7 Zhuravel', O.D. *Literaturnoe tvorchestvo staroobriadtsev XVIII — nachala XXI vv.: temy, problemy, poetika* [*Literary Creativity of the Old Believers of the 18th – Early 21st Centuries: Themes, Problems, Poetics*]. Novosibirsk, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2012. 442 p. (In Russ.)

8 Zen'kovskii, S.A. "Ideologicheskii mir brat'ev Denisovykh" ["The Ideological World of the Denisov Brothers"]. *Russkoe staroobriadchestvo: v 2 t.* [*Russian Old Believers: in 2 vols.*]. Moscow, Institute DI DIK Publ., Quadrika Publ., 2009, pp. 594–606. (In Russ.)

9 Lakhmann, R. *Demontazh krasnorechiia. Ritoricheskaia traditsiia i poniatie poeticheskogo* [*Dismantling Eloquence. The Rhetorical Tradition and the Concept of the Poetic*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2001. 368 p. (In Russ.)

10 Mikhailov, A.V. "Poetika barokko: zavershenie ritoricheskoi epokhi" ["Baroque Poetics: The End of the Rhetorical Era"]. Grintser, P.A., editor. *Istoricheskaia poetika. Literaturnye epokhi i tipy khudozhestvennogo soznaniia* [*Historical Poetics. Literary Epochs and Types of Artistic Consciousness*]. Moscow, Nasledie Publ., 1994, pp. 329–391. (In Russ.)

11 Panchenko, A.M. *Russkaia stikhotvornaia kul'tura XVII veka* [*Russian Poetic Culture of the 17th Century*]. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ., 1973. 281 p. (In Russ.)

12 Pikkio, R. *Slavia Orthodoxa: Literatura i iazyk* [*Slavia Orthodoxa, Literature and Language*]. Moscow, Znak Publ., 2003. 720 p. (In Russ.)

13 Ponyrko, N.V. "Uchebniki ritoriki na Vygu" ["Rhetoric Textbooks in Vyg"]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [*Proceedings of the Department of Old Russian Literature*], vol. 36. Leningrad, Nauka, Leningradskoe otdelenie Publ., 1974, pp. 274–290. (In Russ.)

14 Sazonova, L.I. *Literaturnaia kul'tura Rossii. Rannee Novoe vremia* [*Literary Culture of Russia. Early Modern Period*]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2006. 896 p. (In Russ.)

15 Iukhimenko, E.M. *Literaturnoe nasledie Vygovskogo staroobriadcheskogo obshchezhitel'stva* [*Literary Heritage of the Old Believer Community of the Vyg*], vol. 1. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2008. 686 p. (In Russ.)